

Первого февраля полиция из Краснодона эвакуировалась в Ровеньки, забрала с собой и арестованных — последнюю партию обреченных на смерть. Среди них были Люба Шевцова, Семен Остапенко, Виталий Субботин и Дмитрий Огурцов.

Но часть полицейских оставалась еще в Краснодоне, и отмечаться мы должны были ходить. 3 февраля вызвали в полицию бабушку и снова сильно побили ее.

— За что? — крикнула бабушка.

— Не имей таких детей и внука!

С этого дня я начала прятаться от немцев.

Полиция приходила за мной. Мама сказала, что я пошла в село достать хлеба. Тогда пьяные полицейские начали издеваться над мамой и над маленьким Валериком. Один из них взял ножницы и, хохоча, колот ими трехлетнего Валерика.

— Мама, мама! — кричал Валерик, и холодным потом покрывалось его маленькое, высохшее от голода личико.

А фронт все приближался к Краснодону. Уже восемь километров было между нами и освобождением. Слышна была даже пулеметная стрельба. В Краснодоне с напряжением ждали своих.

Дни шли, как длинные годы. Сил не было дальше терпеть...

Двенадцатого и тринадцатого февраля немцы провели облавы в квартирах, погребах и сараях. Искали мужчин. Им удалось захватить около ста человек разного возраста; их согнали в полицию.

К вечеру 13 февраля все немецкие части начали в панике покидать Краснодон. Поднялась невероятная суета. А утром 14 февраля 1943 года в Краснодоне не было уже ни одного немца.

Ровно в одиннадцать часов в город ворвались наши танки. Увидев первый советский танк, мы бежали за ним,